

Владислав
ИНОЗЕМЦЕВ

Постимперская империя

Продолжая наши «Имперские хроники», я хотел бы коснуться российского *alter ego* – Европы, – так как большинство драматических событий последнего времени в той или иной мере были порождены воображаемым противостоянием России с этим новым геополитическим центром мира, за минувшие десятилетия прошедшим впечатляющий путь от раздробленности к единству. Иногда может казаться, что отношение России к Европе свидетельствует о коллективном социальном умопомешательстве: столь назойливыми кажутся как преклонение россиян перед европейцами, так и уничижительное к ним отношение. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что это вполне объяснимый феномен, так как формальное копирование европейских практик и их сущностное

**ИМПЕРСКИЕ
ХРОНИКИ**

003

отторжение были самым содержанием большей части нашей истории.

Я уже упоминал в предшествующих колонках, что Россия во все времена стремилась обрести статус наследника или равного соперника европейских империй. Исторически московские государи тщились обосновать легитимность своей власти, возводя родословную правителей к римским цезарям, как это делал еще автор «Сказания о князьях Владимирских». Само название «Россия» происходит от греческого *Ρωσία* и распространилось в XVI веке – после того, как греческое влияние в Московии усилилось с падением Византии. Постепенно Москва стала рассматривать все покоренные территории как единое государство, а доктрина «третьего Рима» сделала эту линию преемственности официальной. Во многом российско-европейская дихотомия начала формироваться как идеологизированное противостояние наследников античной имперскости – пусть даже один из них был легитимным, а другой самозванным¹.

Однако, на мой взгляд, для объяснения особенностей текущего момента не стоит забираться так далеко в прошлое, поскольку нынешние события обусловлены процессами, происходившими в куда более недавнее время.

После окончания Второй мировой войны европейские империи – к которым относились и основные западные колониальные системы, и Советский Союз – демонстрировали противоположные векторы развития. Практически сразу после прекращения глобального противостояния важнейшие «горячие» конфликты приняли форму антиколони-

альных войн покоренных европейцами народов против далеких метрополий. Каким бы странным это ни казалось, но такой ход событий во многом повторял историю распада Российской империи, случившуюся на фоне завершения Первой мировой войны, когда ее окраины с разной степенью успешности попытались обрести независимость. И, хотя страны Западной Европы вышли из Второй мировой войны победителями, у них не хватало сил и решимости удержать или переформатировать собственные владения – и уж тем более переиначить ради сохранения заморских территорий собственную идентичность. В результате между 1945-м и 1975 годами все колониальные империи распались, вызвав в ряде европейских стран заметную волну исторического пессимизма и упаднических настроений. Советский Союз, напротив, видел в антиколониальной борьбе глобальной периферии предпосылки ускоренного распространения коммунистических идей и грядущего коллапса мирового империализма – и потому активно ее поддерживал. Однако ситуация существенно изменилась уже в следующие десятилетия.

Не стоит сомневаться в том, что постимперский синдром в основных европейских странах в 1950–1960-е был очень силен. Крах колониальной системы во многом уравнил победителей и побежденных во Второй мировой войне: с одной стороны, «тысячелетний рейх» рухнул вместе с его убогой реинкарнацией римской империи, но, с другой стороны, и империи-победительницы скукожились до размеров их метрополий. Римский договор 1957 года² стал

1 См.: *Сказание о князьях Владимирских* (<http://lib.pushkinskijdom.ru/default.aspx?tabid=5103>); ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВ С. *Русская религиозно-философская мысль X–XVII веков*. М.: Прометей, 1999. С. 223–226; СИНИЦЫНА Н. *Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.)*. М.: Индрик, 1998. С. 323–324, 345.

2 См. текст документа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/txt/?uri=celex:11957e/txt>.

революционным событием – первым соглашением между государствами, которые либо уже переставали быть империями (как Нидерланды и Франция, только что вынужденные оставить огромные территории в Юго-Восточной Азии), либо находились на грани потери колоний (как Бельгия, утратившая Конго через несколько лет). Великобритания присоединилась к Европейскому экономическому сообществу в 1973 году, когда она растеряла почти все свои крупные колонии; Португалия вошла в его состав в 1986-м, через десятилетие после предоставления независимости своим колониями в Африке. Фактически этот договор предполагал что-то вроде «возврата к истокам»: ограничиваясь кругом бывших имперских метрополий, он на деле породил нечто намного большее, так как именно сближение бывших имперских центров и стало одним из наиболее значимых оснований успешности европейской интеграции.

Европейский союз часто называют империей, но нет ничего более ошибочного, чем подобное определение. Основы европейской интеграции формировались тогда, когда казалось очевидным отсутствие у империи как особого типа политического устройства любых исторических перспектив. Европейские метрополии – осознавали они это или нет – объединялись в том числе и в некое сообщество государств с общими проблемами: ассоциация постимперских держав была сродни «обществу анонимных алкоголиков», намеренных преодолеть свой недуг через готовность открыть друг другу свои проблемы и комплексы и объединившихся именно для этого. По мере расширения пространства интеграции ситуация не слиш-

ком изменилась: по состоянию на середину 2010-х, до печально известного Брекзита, среди 28 стран Европейского союза бывшими ярко выраженными имперскими метрополиями были двенадцать: Португалия, Испания, Франция, Великобритания, Бельгия, Нидерланды, Германия, Швеция, Польша, Литва, Австрия и Италия. Не будет лишним заметить, что на эти страны в 2015 году приходилось 82,1% населения ЕС и 88,5% его совокупного ВВП³. При этом у центральных органов ЕС не было более важной задачи, чем сокращать диапазон возможностей властей постимперских стран и утверждать идеи солидаризма на основе установленного в союзе принципа консенсуса. Так, право вето могли применять не только небольшие европейские страны, но и те из них, которые стали частью Австрийской империи в результате войн с Османской империей и Наполеоном (Словения, Хорватия) или Великобритании (Ирландия, Кипр, Мальта). Иначе говоря, система организации ЕС не только предполагала единение «собратьев по несчастью», но и закладывала основы противостояния имперским амбициям внутри сообщества.

Чем заметнее та или иная страна проявляет свои имперские комплексы, тем сложнее ей прижиться в ЕС; именно поэтому Великобритания, для которой имперская компонента политики и репрезентация себя в качестве самостоятельного центра силы обладали огромной значимостью, в конечном счете, так и не сумела найти себе место в общеевропейском объединении. (В 1960-е, когда континентальные страны ставили препоны на пути вступления Лондона в ЕЭС, Великобритания даже создала альтернативную структу-

3 См. официальные данные Евростата: <https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/tps00005/default/table?lang=en>; https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/nama_10_gdp/default/table?lang=en.

ру; на мой взгляд, страна почти обречена снова вернуться к этому проекту, хотя и в качественно новых условиях и с другим набором игроков⁴.) В то же время остальные члены ЕС продолжили развитие по пути предоставления максимальной свободы своим членам и крайне осторожного расширения – в основе последнего лежит запрос той или иной страны о возможности ее принятия в союз и выставления последним кондиций, открывающих подобную перспективу. Как известно, некоторые империи тоже порой расширялись на основе добровольного присоединения к ним новых территорий; однако принятие таковых на жестких условиях и без большого энтузиазма со стороны центра не было известно ни одной из прежних имперских структур. Более того, в определенной степени это противоречит фундаментальным целям любой империи.

Асинхронность развития Советского Союза и европейских стран, вызванная прежде всего различиями в итогах Второй мировой войны для обеих сторон (СССР существенно расширил свою зону влияния после 1945 года и продолжал этот процесс вплоть до середины 1970-х, тогда как западноевропейские страны двигались в противоположном направлении), воплотилась в почти идеальной иронии истории: всего через 43 дня после распада СССР и спуска 25 декабря 1991 года красного флага над Кремлем Западная Европа формально завершила постимперский транзит подписанием 7 февраля 1992 года Маастрихтского

договора об образовании Европейского союза⁵. Принятие в ЕС в 2004-м Польши и Литвы – стран, которые сотни лет назад были важными имперскими центрами, но с тех пор успели провести несколько веков в качестве оккупированных и присоединенных к Российской империи провинций, – не изменило того факта, что консолидация в недавнем прошлом мощных имперских образований была закончена. Россия – страна, понесшая, вероятно, самый большой экономический, социальный и мировоззренческий ущерб от распада своей империи, – в клуб коллективной постимперской психотерапии, успешно работавший к тому времени почти треть столетия, не попала, хотя и декларировала в конце 1980-х стремление к созданию «единого общеевропейского дома». Этот факт я считаю определяющим для расшифровки логики последовавших событий.

История Европы последних тридцати лет стала для новой России страшным раздражителем. Не могу сказать, что именно заставило Владимира Путина выдать из себя слова: «Что касается европейской интеграции, то мы не просто поддерживаем эти процессы, мы смотрим на них с надеждой»⁶, но мне сложно предположить, что Москва действительно когда-то радовалась этому, поскольку как раз данная интеграция лучше чего-либо другого подчеркивала российскую ущербность. После 1992 года объединенная Европа «отметилась» как минимум четырьмя выдающимися результатами: во-первых,

4 См. информацию о Европейской ассоциации свободной торговли: *EFTA through the Years. Main Events in the History of EFTA from 1960 until Today* (www.efta.int/About-EFTA/EFTA-through-years-747); см. также мою статью о перспективах этого объединения: INOZEMTSEV V. *Sur le Brexit et une "nouvelle AELE" // Politique étrangère*. 2020. № 2. P. 169–183.

5 Подробнее см.: www.cvce.eu/en/education/unit-content/-/unit/d5906df5-4f83-4603-85f7-0cab24b9fe1/e038b310-f139-407f-9bfb-a1b2e901fb56.

6 *Выступление в Бундестаге ФРГ. 25 сентября 2001 года* (<http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21340>).

созданием единого социально-политического пространства с установлением в 1995-м Шенгенской визовой зоны; во-вторых, четырьмя раундами расширения, которые довели число членов ЕС с 12-ти до 28; в-третьих, введением с 1999 года единой блоковой валюты – евро и, в-четвертых, принятием в 2007-м своего рода Конституции ЕС в виде Лиссабонского договора. При этом Москва, которая также вынашивала интеграционные проекты с участием своих бывших колоний, достигла немногого: единого визового пространства и единой валюты не случилось даже с Белоруссией; создание Евразийского экономического союза стало во многом профанацией, так как соглашения о свободном передвижении большинства товаров и услуг так и не вступили в силу, и, наконец, какого-то единого наднационального органа, способного определять политику блока, помимо президентов и правительств отдельных стран, так и не появилось.

Европейский союз стал уникальной политией, в которой оптимально соединились региональный, национальный и наднациональный уровни управления. Объединенная Европа не только помогла государствам избавиться от многих элементов их имперского наследия, но и создала систему, в которой регионы, проявляющие сепаратистские наклонности, задумываясь порой о выходе из состава своих государств (как, например, Шотландия или Каталония), при этом не собирались покидать ЕС. Перераспределение средств через общеевропейский бюджет, нацеленное на развитие отдельных регионов, также стало

важнейшим элементом, гарантирующим внутреннюю сплоченность новоявленной «империи». С самого начала ЕЭС обладало верховной судебной инстанцией – в этой роли выступал Европейский суд справедливости, – решения которой по искам граждан и компаний из отдельных стран воплощались в законы и правила для всего объединения: так, например, вердикты по делам «Van Gend en Loos v. Nederlandse Administratie der Belastingen» (1963) или «Rewe-Zentral AG v. Bundesmonopolverwaltung für Branntwein» (1979) значили для процесса интеграции больше, чем некоторые многосторонние соглашения⁷. При этом ЕС не имеет однозначного «центра», так как даже после Брекзита его крупнейший участник, Германия, обеспечивал не более 25% ВВП союза и 18,6% его населения⁸. Европа в XXI веке стала союзом равных и, как ни странно, той самой «либеральной империей», о которой когда-то грезил бывший российский реформатор Анатолий Чубайс⁹.

Именно это качество Европейского союза, на мой взгляд, делает его уникальным политическим субъектом, существование которого не может не раздражать Кремль. Если в годы «холодной войны» Европа была разделена, а Советский Союз являлся одной из глобальных сверхдержав со своими сателлитами, то с конца 1980-х Россия потеряла не только своих союзников, но и многие свои владения, в то время как ЕС, напротив, начал расширение на Восток, поглощая страны бывшего социалистического блока, а также прибалтийские государства, с 1940 по 1990 годы

7 Подробнее см.: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/txt/?uri=celex%3a61962cj0026>; <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/txt/?uri=celex%3a61978cj0120>.

8 См. официальные данные Евростата: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/nama_10_gdp/default/table?lang=en; <https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/tps00005/default/table?lang=en>.

9 См.: А. Чубайс: *основная задача РФ – построение либеральной империи* // РБК. 2003. 25 сентября (www.rbc.ru/politics/25/09/2003/5703b59a9a7947783a5a4b6c).

входившие в состав СССР. О европейском выборе еще в 2000-е со всей определенностью заявили Грузия, Молдова и Украина – и, собственно, вся геополитика Восточной Европы при Владимире Путине стала историей противостояния «постимперской империи» в лице ЕС и традиционной империи в лице России. Российские вторжения в бывшие советские республики достаточно прямо коррелировали с интенсивностью попыток этих стран интегрироваться в европейское пространство. Начало нынешнего военного конфликта в Украине также не случайно пришлось на то время, когда Киев окончательно определился с европейской направленностью своей политики.

Парадоксально, но «постимперская империя» стала главной экзистенциальной угрозой для российской традиционной имперскости. На протяжении всего постсоветского периода Москва проигрывала соревнование европейским столицам: в Европу уходили десятки миллиардов долларов российских капиталов и переезжали миллионы россиян, а постсоветские народы смотрели на запад, а не на восток. Может быть, это и будет неким преувеличением, но я рискнул бы сказать, что российские реформы «сломались» в середине 2000-х, когда Европейский союз провел масштабное включение в свой состав бывших социалистических стран и обозначил намерение не останавливаться на этом. Именно в то время в Москве поняли, что никакая интеграция традиционной империи в новаторскую невозможна, и начали возрождать/придумывать собственные концепты, среди которых оказались «традиционные ценности», «Русский мир», «вертикаль власти», «национализация элит» и так далее.

Россия давно противопоставляла себя Европе – но такой Европе, которая была столь же имперской, как и Россия, и не менее националистической, чем она сама. Какой бы особенной ни считала себя Россия в прошлом, в XVIII или XIX веках она участвовала в европейской политике на тех же принципах, что и Франция или Англия, Германия или Австрия, – и была, как империя, одной из многих империй на континенте. В современных условиях оказывается, что Россия соперничает не с отдельными странами, а с их новаторским квазиимперским объединением, хотя ее собственные имперские предприятия устарели и не отличаются успешностью, и все, что ей остается, – это демонизировать Европейский союз и придумывать нелепые истории о его скором крахе.

* * *

Европа – родина современных империй, своего рода эталон (как в позитивном, так и в негативном смыслах) поселенческой и военной колонизаций. Как отмечал Жан-Франсуа Ревель, мы все живем в «европейском мире, поскольку именно Европа рассеяла по всем континентам свои капиталы, свою технику, свои языки и своих жителей»¹⁰. Успех сопутствовал российской империи на протяжении всего того периода, пока она была империей *европейской*. Тогда можно было дискутировать, является ли Россия частью Европы или ее *alter ego* – но все эти обсуждения, на мой взгляд, полностью утратили релевантность в конце XX века, когда бывшие европейские имперские метрополии не только не расстались со своими колониями, но

¹⁰ REVEL J.-F. *L'obsession anti-américaine. Son fonctionnement, ses causes, ses conséquences*. Paris: Plon, 2002. P. 80.

и сами объединились в своего рода «империю равных», что помогло им пережить кажущееся поражение и создать проект расширяющегося пространства, не то чтобы подсластивший, а скорее даже исчерпавший горечь прежних поражений. Эта «постимперская империя» создала новые линии напряжения в отношениях с Россией, которая не смогла ни удержать свою империю, ни создать вместо нее привлекательный и эффективный субститут.

Россия в XVIII–XIX веках нередко успешно противостояла в войнах европейским империям, которые можно условно назвать «навязанными», «созданными силой»; сейчас же она

вчистую проигрывает противостояние с империей добровольной, в которую превратился столетиями раздираемый конфликтами континент. Наша страна, замечу, эффективно трансформирует сегодня пацифистский характер этой новой империи и даже может невольно придать ей дополнительный динамизм – если европейцы ощутят свою не только экономическую, культурную, но и военную силу, «прирастая» постсоветскими территориями. Наднациональный союз, казавшийся многим в Москве бледной копией бывших европейских империй, оказался, напротив, их самым удачным развитием, которому Кремлю нечего противопоставить.

www.eurozine.com

The most important articles on European culture and politics

Eurozine is a netmagazine publishing essays, articles, and interviews on the most pressing issues of our time.

Europe's cultural magazines at your fingertips

Eurozine is the network of Europe's leading cultural journals. It links up and promotes over 100 partner journals, and associated magazines and institutions from all over Europe.

A new transnational public space

By presenting the best articles from the partner magazines in many different languages, Eurozine opens up a new public space for transnational communication and debate.

The best articles from all over Europe at www.eurozine.com

eurozine

